

Издается по благословию Высокопреосвященнейшего митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия

Из истории Первой мировой войны

Забытый подвиг

В 1915 году мир с восхищением взирал на оборону Осовца, небольшой русской крепости в 23,5 км от тогдашней Восточной Пруссии. Основной задачей крепости было, как писал участник обороны Осовца С. Хмельков, «преградить противнику ближайший и удобный путь на Белосток... заставить противника потерять время или на ведение длительной осады, или на поиски обходных путей».

Белосток – транспортный узел, взятие которого открывало дорогу на Вильно (Вильнюс), Гродно, Минск и Брест. Обойти крепость было невозможно: она располагалась на берегах реки Бобр, контролируя всю округу, в окрестностях – сплошные болота.

Первый натиск немцы предприняли в сентябре 1914-го: перебросив из Кенигсберга орудия большого калибра, они бомбардировали крепость шесть дней. А осада Осовца началась в январе 1915-го и продолжалась 190 дней.

Немцы применили против крепости все свои новейшие достижения. Доставили знаменитые «Большие Берты» – осадные орудия 420-мм калибра, 800-килограммовые снаряды которых проламывали двухметровые стальные и бетонные перекрытия. Воронка от такого взрыва была пять метров глубиной и пятнадцать в диаметре.

Под Осовец привезли четыре «Большие Берты» и 64 других мощных осадных орудия, всего 17 батарей. За неделю усажающего обстрела по крепости было выпущено 200-250 тысяч только тяжелых снарядов. А всего за время осады – до 400 тысяч.

«Кирпичные постройки разваливались, деревянные горели, слабые бетонные давали огромные отколы в сводах и стенах; проволочная связь была прервана, шоссе испорчено воронками; окопы и все усовершенствования на валах, как то – козырьки, пулеметные гнезда, легкие блиндажи – стирались с лица земли». Над крепостью нависли тучи дыма и пыли. Вместе с артиллерией крепости бомбили немецкие аэропланы.

Командование, полагая, что требует почти невозможного, просило защитников крепости продержаться хотя бы 48 часов. Крепость стояла еще полгода.

6 августа 1915-го года для уничтожения гарнизона немцы применили отравляющие газы. Развернули 30 газовых батарей, несколько тысяч баллонов.

Газы, пущенные немцами 6 августа, имели темнозеленую окраску – это был хлор с примесью брома. Газовая волна, имевшая при выпуске около 3 км по фронту, стала быстро распространяться в стороны и, пройдя 10 км, имела уже около 8 км ширины; высота газовой волны над плацдармом была около 10 - 15 м.

«Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было

отравлено насмерть, большие потери несла во время стрельбы крепостная артиллерия; не участвующие в бою люди спаслись в казармах, убежищах, жилых домах, плотно заперев двери и окна, обильно обливая их водой.

В 12 км от места выпуска газа, в деревнях Овечки, Жодзи, Малая Крамковка, было тяжело отравлено 18 человек; известны случаи отравления животных – лошадей и коров.

Вся зелень в крепости и в ближайшем районе по пути движения газов была уничтожена, листья на деревьях пожелтели, свернулись и опали, трава почернела и легла на землю, лепестки цветов облетели.

Все медные предметы на плацдарме крепости – части орудий и снарядов, умывальники, баки и прочее – покрылись толстым зеленым слоем окиси хлора; предметы продовольствия, хранящиеся без герметической укупорки – мясо, масло, сало, овощи, оказались отравленными и непригодными для употребления.

Газ оказался мощным средством поражения и мог свободно конкурировать с бомбами большой мощности». (С. А. Хмельков).

«Утро было холодное, туманное; дул средней силы северный ветер... – писал военный историк В. Буныковский. – Действие газов, несмотря на принятые меры, на Сосненской позиции и в тылу её было ужасно – около половины бойцов были отравлены насмерть. Полуотравленные брели назад, томимые жаждой, нагибались к источникам воды, но тут, на низких местах, газы задерживались, и вторичное отравление вело к смерти... Спустя некоторое время по выпуску газов немцы пустили одновременно по всему фронту красные ракеты и открыли ураганный огонь...»

14 батальонов ландвера, не менее 7 тысяч человек, двинулись след за волной газов. Они были уверены, что живых не встретят. То, что произошло дальше, прекрасно описал публицист Владимир Воронов:

«Когда германские цепи приблизились к окопам, из густо-зеленого хлорного тумана на них обрушилась... контратакующая русская пехота. Зрелище было ужасающим: бойцы шли в штыковую с лицами, обмотанными тряпками, сотрясаясь от жуткого кашля, буквально выплёвывая куски лёгких на окровавленные гимнастёрки. Это были остатки 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка, чуть больше 60 человек. Но они ввергли противника в такой ужас, что германские пехотинцы, не приняв боя, ринулись назад, затаптывая друг друга и повисая на собственных проволочных заграждениях. И по ним с окутанных хлорными клубами русских батарей стала бить, казалось, уже погибшая артиллерия. Несколько десятков полуживых русских бойцов обратили в бегство три германских пехотных полка! Ничего подобного мирное военное искусство не знало. Это сражение войдёт в историю как «атака мертвецов».

Осовец русские войска все же оставили, но позже и по приказу командования, когда его оборона потеряла смысл. Эвакуация крепости – тоже пример героизма. В ночь на 24 августа 1915 года русские саперы взорвали все, что уцелело от немецкого огня, и лишь несколько дней спустя немцы решились занять развалины.

По свидетельству очевидцев

Бессмертный часовой

В тот день, когда был взорван склад, он стоял в подземном тоннеле на посту. Сапёры очень торопились, и никто не спустился проверить, не осталось ли в складе людей. В спешке эвакуации забыл о подземном посту и начальник караула. И вдруг... там, откуда пробивался солнечный свет, раздался невероятной силы взрыв. Землю тряхнуло, и сразу же вокруг образовалась непроглядная тьма.

Придя в себя, солдат понял, что с ним приключилось. Но отчаяние ему удалось побороть, хоть и не сразу. Жизнь продолжалась, и надо было ознакомиться со своим подземным жильём. А им, по счастливой случайности, оказался большой интендантский склад, в котором были значительные запасы продовольствия – сухарей, консервов и др., а также обмундирования. Тут была и вода. Стены склада всегда оставались влажными, и кое-где под ногами на полу хлюпали лужи. Сквозь какие-то невидимые поры земли в склад проникал воздух, и дышать можно было без труда.

На складе также хранились огромные запасы стеариновых свечей, и первые четыре года часовой мог освещать своё подземелье. Но однажды горящая свеча вызвала пожар. Ему, едва не задохнувшемуся, пришлось вести отчаянную

борьбу с огнём. Пожар он всё же потушил, но при этом сгорели все запасы свечей и спичек. Отныне он был обречён на вечную темноту.

Ещё ему пришлось вести войну с крысами. Эти твари плодились с такой ужасающей быстротой и вели себя настолько дерзко, что война продолжалась все 9 лет.

У него, подземного часового, был свой календарь. Каждый день, когда наверху, в узком отверстии вентиляционной шахты, угасал бледный лучик света, солдат делал на стене зарубку. Он вёл счёт даже дням недели – в воскресенье зарубка была длиннее других. А когда наступала суббота, он, как подобает русскому человеку, свято соблюдал банный день. Правда, помыться по-настоящему он не мог: в ямах, вырытых им, воды хватало только для питья и умывания. Его еженедельная «баня» состояла в том, что он шёл в отделение склада, где хранилось обмундирование, и брал из тюка чистую пару солдатского белья и новые портянки. Надев их, он аккуратно складывал в стопу грязное бельё. Эта стопа, растущая каждую неделю, и была его календарём. Вот почему часовой так уверенно ответил на вопрос польского офицера, сколько времени он провёл под землёй.

И оружие своё он держал в исправности.

Его трёхлинейная винтовка образца 1891 года была хорошо вычищена, а затвор и ствол смазаны маслом, которое оставалось после того, как он вскрывал консервы для еды. В таком же надлежащем порядке содержались и обоймы с патронами.

Спустившиеся в подземелье след за офицером унтер и несколько солдат ошеломлённо всматривались в чёрный силуэт часового. Тот по-прежнему никого не подпускал к себе. Начались долгие переговоры. Часовому объяснили, что произошло на земле за эти девять лет, рассказали, что царской армии, в которой он служил, уже не существует. Нет даже самого царя, не говоря уже о разводящем и начальнике караула. А территория, которую он всё ещё охраняет, принадлежит Польше. После продолжительного молчания солдат спросил, кто в Польше главный. Ему ответили, что президент. Тогда он потребовал его приказа. И лишь когда ему зачитали телеграмму Пилсудского, часовой согласился оставить свой пост.

Польские солдаты помогли ему выбраться наверх, на летнюю, залитую ярким солнцем землю. Вдруг часовой громко закричал, закрывая лицо руками. Лишь тогда поляки сообразили, что надо было ему завязать глаза, перед тем как вывести наружу. Но было поздно – отвыкший от солнечного света солдат ослеп. Его наскоро успокоили, пообещав показать хорошим

врачам. И только после этого поляки стали разглядывать этого необычайного воина. Тёмные густые волосы грязными космами падали ему на спину и плечи, спускались ниже пояса. Чёрная широкая борода достигала колен. Лица почти не было видно. Но этот подземный Робинзон был одет в добротную шинель с погонами, и на ногах у него были почти новые сапоги. И, что поразило больше всех: его винтовка была в отличном состоянии.

Затворника привели в порядок и отвезли в Варшаву. Там осмотревшие его врачи установили, что он ослеп навсегда. Падкие на сенсации журналисты не могли проигнорировать такое событие, и вскоре история о забытом часовом появилась на страницах польских газет. Когда офицеры читали своим подчинённым эту статью, то говорили: «Учитесь, как надо нести воинскую службу у этого храброго русского солдата».

Часовому предложили остаться в Польше, но он рвался домой, ведь он был защитником Отчества, пусть даже теперь оно называлось по-другому. Советский Союз встретил солдата царской армии более чем скромно. И подвиг его остался невоспетым – в то время считалось, что героем мог стать только советский человек. Поэтому подвиг солдата Первой мировой превратился в легенду, в легенду, которая не сохранила главного – имени героя.

Владимир Каржавин «Частный Корреспондент»

2 стр.

Януш Корчак: как любить ребенка

В НАШЕМ НОМЕРЕ:

3 стр.

Проблемы коллаборационизма на уроках истории

4 стр.

Чудо исцеления в день прославления преп. Серафима Саровского в 1903 году

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Проблемы коллаборационизма на уроках истории

В истории человечества в целом и каждого народа в отдельности, встречаются такие события, которые навсегда меняют вектор развития социума. К эпохальным событиям двадцатого века, безусловно, следует отнести Вторую мировую войну.

Она не только обострила до предела все существующие в мире противоречия, но и заставила совершенно по-иному зазвучать ряд хорошо известных проблем экономического, политического, социального и этического характера. Война в морально-политическом плане обнаружила такие стороны общественного бытия, которые трудно было себе представить в нормальное мирное время. Среди них наименее изученной остается проблема коллаборационизма – его истоков, типологии и его места в истории всех участвовавших в войне стран антигитлеровской коалиции.

Словарь иностранных слов дает следующую трактовку понятию «коллаборационист»: «(от франц. collaboration - сотрудничество) изменник, предатель родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939-1945)». Однако уже в годы Первой мировой войны этот термин стал приобретать подобную трактовку и употреблялся отдельно от слова «сотрудничество», обозначая только предательство и измену.

В нашей стране термин «коллаборационизм» стал активно использоваться лишь в последнее время, когда он начал активно политизироваться и идеологизироваться. В советской исторической науке обычно встречались слова «предатель», «изменник родины», «пособник». Однако на Западе (как, впрочем, и в бывших странах социалистического лагеря) лиц, сотрудничавших с нацистами в СССР, обычно называли именно коллаборационистами.

Чтобы разобраться в хитросплетениях лингвистических трактовок, нам необходимо понять сущность данного явления.

С точки зрения международного права военная оккупация – временное занятие территории государства вооруженными силами противника. Сам факт оккупации не решает судьбы захваченных регионов – она определяется, как правило, по окончании войны мирным договором.

Германия начала планомерный захват советских территорий с июня 1941 г. Западные, северо-западные и юго-западные области РСФСР, находились под немецкой оккупацией более трех лет. Области Центральной России были заняты нацистами на протяжении почти двух лет. До февраля 1943 г. жесткий нацистский режим действовал на юге РСФСР.

Оккупированная часть СССР делилась на четыре рейхскомиссарии: «Остланд» (Прибалтика и Западная Белоруссия), «Украина», «Московия» (Центральная Россия) и «Кавказ» (в реальности возникли лишь первые два). По плану «Ост» в течение 30 лет после победы планировалось истребить и частично выселить в Азию около 31 млн. славян, а еще 14-15 млн. лишиться среднего и высшего образования и сделать рабами немецких колонистов.

Но все подобные планы выглядели фантастично, так как сил для их реализации у Германии не было. Даже всех использованных на военной службе людских ресурсов Германии (16-17 млн. человек) не хватало бы для контроля над оккупированными в 1941-1942 гг. территориями общей площадью более 2 млн. км², не

говоря уже об остальной части СССР.

Немецкая оккупационная политика в СССР в годы Второй мировой войны носила противоречивый характер. С одной стороны, «завоевание жизненного пространства», а с другой – собственно методы достижения поставленных целей. Без хотя бы пассивной поддержки со стороны населения оккупированных районов СССР у немцев не было реальных перспектив надолго обеспечить господство на занятой территории и гарантировать стабильность собственного тыла.

Для укрепления и поддержания оккупационного режима немецко-фашистские захватчики стремились привлечь «местные кадры».

Можно согласиться с мнением ряда известных ученых, считающих, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной и нормально функционировать. Она нуждается в переводчиках, в специалистах-администраторах, хозяйственниках, знатоках по-

литического строя, местных обычаев и т. д. Комплекс взаимоотношений между ними и составляет сущность коллаборационизма. В реальной ситуации коллаборационизм проявлялся в весьма широком диапазоне от бытового до военно-политического сотрудничества, имевших между собой весьма существенное различие. Вынужденное сотрудничество на бытовом уровне не причиняло вреда коренным интересам Родины, иногда даже смягчало тяготы оккупации.

Но коллаборационизм мог так же быть сознательным актом со стороны отдельных лиц, который служил интересам противника.

К числу активных коллаборационистов относились военнопленные и гражданские лица, вступившие в ряды германской армии и полицейские формирования, а также советские граждане, работавшие на предприятиях и в учреждениях оккупационной администрации.

Война вызвала небывалый всплеск военно-политического сотрудничества наших соотечественников с противником. В 1941-1945 гг., по некоторым данным, на немецкой военной службе состояли не менее 1,1-1,2 млн. советских людей – примерно каждый 17-й военнотрудовой Вермахта был гражданином СССР. В годы Первой Мировой войны попытки врага привлечь российских пленных на свою сторону не дали результата. Спустя четверть века на стороне Вермахта служили сотни кадровых командиров РККА.

Количество советских граждан, сотрудничающих с новым режимом в административно-хозяйственной сфере исчислялось десятками миллионов. В чем же причина столь масштабного распространения коллаборационизма на территории СССР?

Причины этого трагического явления необходимо искать в социально-политических и морально-нравственных последствиях большевистского эксперимента и не прекращавшейся с октября 1917 г. войне большевиков против народа России.

Страшная гражданская война, расколывая россиянина на «своих» и «чужих», на «белых» и «красных»; показательная высылка из страны интеллигенции (многие представители которой по праву составляли гордость нашего Отечества); массовые репрессии против всех слоев населения; насильственная коллективизация; уничтожение православия, являвшегося многие века основой духовной жизни русского народа; введение единой всеобщезначательной идеологии, призванной истребить свободу личности.

Отдельным потрясением для рядовых советских граждан стали действия руководства страны в первые дни войны. Люди, по сути, оказались брошенными властями на произвол судьбы. А если еще вспомнить о менталитете советского человека, привыкшего жить, выполняя всевозможные приказы и распоряжения и разучившегося проявлять инициативу и самостоятельность, то становится хорошо понятно какую панику у него вызвала обстановка информационного и организационного «голода», в котором он оказался.

Продолжение следует

Д.и.н., профессор Мазуров А.Б., к.и.н., доцент Галкина О.И., к.и.н., доцент Жиркова Т.М.

Темы репрессий в школьных учебниках

Окончание. Начало – в №2-7/2013.

Серьезные нарекания вызывает подборка авторами иллюстративного материала к данной теме: его объем по отношению к тексту крайне незначителен. Кроме того, он, к сожалению, слабо реализует основную цель использования иллюстративного материала – создание или конкретизация зрительного образа учеников, воздействие на их эмоциональную сферу.

Как правило, предлагаемые авторами иллюстрации являются сопровождением к основному тексту параграфа. Например, в учебнике А.А. Левандовского помещена обложка судебного отчета по делу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и др., но ни образовательной, ни развивающей, ни воспитательной задачи такая иллюстрация не решает. В учебниках Н.В. Загладина за 9 и 11 классы приводятся эмоционально-насыщенные фотографии заключенных на строительстве Беломоро-Балтийского канала. Однако эти фотографии одинаковы, что не может не вызывать закономерного удивления.

В учебнике А. Данилова и А. Филиппова приведена фотография, сделанная во время процесса в Верховном суде СССР в Колонном зале Дома Союзов по делу «Промпартии», 1930 г., что позволяет школьникам «почувствовать» атмосферу того времени. Это же можно сказать о фотографии, запечатлевшей в 1936 г. общее собрание рабочих московского завода «Динамо»,

требующих расстрела участников «троцкистско-зиновьевской банды» и изображение плаката эпохи «большого террора» художника С. Игумнова «Искореним шпионов и диверсантов», на котором нарисована большая рука, которая душит змею.

Лишь в учебнике В.С. Измозик представлены фотографии руководителей ОГПУ и организаторов открытых процессов Н.И. Ежова и Г.Г. Ягоды. Однако ни в одном из учебников нет фотографий лидеров партии, ставших жертвами репрессивной политики.

Подводя итог рассмотрению политических репрессий 20-30-х гг. на страницах школьных учебников, отметим следующее.

Данная тема, с различной степенью детализации, представлена во всех учебниках, как второй, так и третьей ступени концентрирования. Основной материал параграфов, в целом, отражает взгляды современной исторической науки на эту проблему. Вместе с тем, практически все учебники по своему содержанию моноконцептуальны. Они предлагают ученикам лишь одну, авторскую, точку зрения и если в части фактического изложения материала такой подход еще объясним, то в части анализа и формулирования выводов он лишает школьников возможности увидеть всю дискуссионность изучаемого вопроса.

Серьезные нарекания вызывает и тот факт,

что ни содержание учебников, ни их методический аппарат не позволяют в 11 классе углубить полученные ранее знания, что является главной задачей третьей ступени концентрирования. Вместо этого происходит их механическое повторение.

Частично проблему расширения методического аппарата учебника призваны решить рабочие тетради, являющиеся дополнительным средством обучения, но в связи с тем, что они не обязательны для использования на уроках в школе, их эффективность значительно снижается. В основном ими пользуется сам учитель, реализуя различные формы диагностики знаний учащихся.

К тому же в большинстве учебников отсутствует дифференцированный подход к подаче материала, что «усредняет» его качество.

Конечно, автор учебника не может в одном параграфе охватить столь многогранную тему, но его задача задать стратегически верное направление в образовательной деятельности ученика, вызвать у него интерес к данной проблеме, сделать так, чтобы школьнику захотелось самостоятельно расширить круг своих знаний. Ведь в идеале предназначение учебника – это формирование осознания необходимости исторических знаний, их ценности для каждого отдельного человека и для всего российского общества в целом.

Таким образом, современные школьные учебники по отечественной истории не готовят учеников к критическому восприятию той разнотипной информации, с которой они знакомятся в повседневной жизни. И, на наш взгляд, при таком подходе к изучению исторического материала школьникам будет сложно отстаивать собственную точку зрения, сформированную на основе учебников.

Д.и.н., профессор Мазуров А.Б., к.и.н., доцент Галкина О.И., к.и.н., доцент Жиркова Т.М.

